

Это сказал папа.

– Она списанная, понимаешь? – повторил он.

От этого непонятного, чем-то смертельно угрожающего слова у Ивушкина внутри что-то заболело, как умеет болеть зуб. Ивушкин тихонько застонал.

Шёпот за стеной прекратился. В комнату вошла мама с таким лицом, точно завтра Первое мая или Новый год.

– Филюшка, ты не спишь?

– Проснулся, – мрачно буркнул Ивушкин.

Он был уже большой, осенью – в школу. Он понимал, что если зареветь, завопить, заскандальить, всё равно ничего не получится. Он решил подождать, подумать хорошенько.

– Филюшка, вставай, приберись немножко. Я пошла в Родово, в магазин: у меня вся соль вышла. Папа уезжает на дальнее поле, сейчас за ним «газик» придёт.

И действительно, на дороге тут же что-то заурчало, и, переваливаясь на дорожных колдобинах, к дому подкатил колхозный «газик». Ивушкин видел в окно, как папа сел рядом с шофёром Кирышей и укатил.

– На столе в кухне молоко в жбанчике и коржики. Поешь, посуду сполосни и подмети, ладно, Филюшка? Сделаешь?

– Сделаю, – ответил Ивушкин как-то уж очень не приветливо.

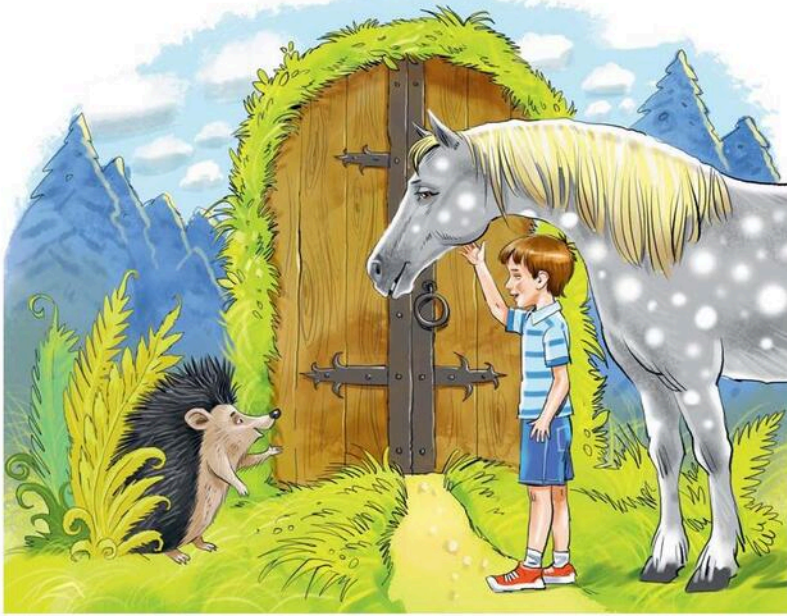
Видно, мама была занята своими радостными мыслями, раз она не обратила внимания на то, что её всегда ясный и ласковый мальчик хмур и чем-то озабочен.

Взрослые люди иногда впадают в страшное волнение по пустякам, а бывает, проходят мимо вещей важных и серьёзных.

Как бы там ни было, мама, взяв сумку, маленький кошелечек в виде кошачьей головы и повязав от солнца косынку в синий горошек, легко сбежала с крыльца и направилась в соседнюю деревню Родово, где был магазин.

Ивушкин остался один. Он глядел на окно, на оставший уголок пожелтевшей марлюшки. Марлю трепал ветер в том месте, где откопилась кнопка. Её прикрепили весной – от комаров. А сейчас комаров нету. Ивушкин

«Нигде и никогда»

Как только они вошли, двери за ними захлопнулись и исчезли, пригорок снова уменьшился до своих обычных размеров. На поляне в Синем лесу не осталось ни души. Только шевельнулся колокольчик. Только пролетела белая бабочка капустница. Где-то далеко-далеко пропищал чай-то транзистор. Было ровно двенадцать часов. Воцарилась непривычная, очень неподвижная тишина.

Но вы не пугайтесь. Ничего плохого не случилось. Потому что дальше было так.

Как только они прошли через двери, обе створки за ними закрылись и двери растаяли.

– Добро пожаловать в «Нигде и никогда», – торжественно приветствовал их Вихроний. – Теперь вы как следует спрятаны. – И он улыбнулся им приветливо и повёл своим острым кожаным носиком.

Вихроний очень понравился Ивушкину. Ему казалось, что Вихроний хоть и покрытый колючками ёж, а совсем-совсем добрый, и умный, и надёжный какой-то.

Это и на самом деле было так.

Ивушкин и Луша стали оглядываться по сторонам. Что это за страна «Нигде и никогда»? Куда они попали?

Кругом было зелено от листьев, пестро от цветов; сразу стало ясно, что страна эта лесная. Вокруг росли высоченные деревья с толстыми красноватыми стволами, под деревьями была густая трава, тоже необычайно высокая, мягкая, ласковая. В ней что-то шелестело, шептало, непрерывно двигалось. Небо было бледно-голубое, каким оно бывало у них в Высокове на рассвете. По небу иногда пробегали небольшие чистенькие облачка. Странность была в том, что на небе одновременно находились солнце, и луна, и звёзды. Как же это так?

Вихроний заметил их удивление.

– Совершенно верно, – подтвердил он. – У нас и солнце, и луна все вместе. Время тут не идёт.

– Ах, нет, нет, милые мои, зачем же так рисковать? – сказал кто-то над ними голосом приятным, мелодичным, и прямо откуда-то с высоты, с неба, что ли, к ним спустился... некто.

Кто именно, трудно было определить. Он походил на человека, но был расплывчат, воздушен, прозрачен, то опускался на траву, то покачивался в воздухе.

– Мы не знакомы, но это неважно. Мы познакомимся. Нет, мы обязательно подружимся. Я – Развигор. Я – прохладный ветерок. А Развигор – это моё имя. Вы недавно прибыли? Я обожаю новых людей, новых зверей, новых друзей, новые впечатления. Вы мне очень нравитесь. Просто невероятно как. К тому же вы так странно, так обаятельно, так необычно тикаете. Вы оттуда, где есть время?

«Развигор? – мелькнуло у Ивушкина в голове. – Я вроде бы такого имени не слышал, а?»

«Кто-то что-то про него говорил, – подумала Луша. – Или нет? Что-то не помню».

Развигор был лёгок, он так приятно улыбался, так приветливо помахивал руками.

«Кого только тут не встретишь», – подумал Ивушкин.

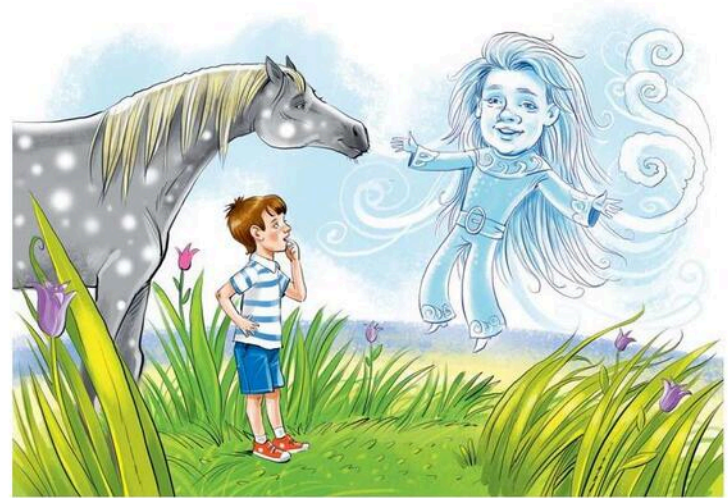
«А он такой приятный», – подумала Луша.

Развигор продолжал:

– Вам надо перебраться через овраг? Я вам помогу!

– Вот спасибо! – сказала Луша.

– Я вам обязательно помогу. Однако не сразу. У меня самое что ни на есть гостевое настроение. И я вас приглашаю к себе в гости.

– Луш, мы не пойдём, – ответил Ивушкин, обращаясь почему-то к Луше, а не к приглашавшему их Развигору.

Что-то Ивушкину с самого начала не нравилось в нём. А Луше, напротив, он казался очень милым и приятным.

– Правда, мы спешим, – сказала Луша нехотя.

– Далеко?

– Нам надо найти пропавшего лосёнка. Может, ты знаешь, как его быстрее найти? Раз ты ветер, должен везде летать, – сказал Ивушкин.

– Ну конечно. Я всё знаю. Всё расскажу. Во всём помогу. Только сначала ко мне. Перекусить. Отдохнуть. В скромный мой домик.

не во что, так и думать нечего, что всё образуется. А надо сесть на траву, прямо тут, возле белой горы, и пропáсть в этом сладком вареньевом запахе черёмухи.

Ивушкину представился их дом и маленькая банька, которую мама топила по субботам и звала их с папой: «Мужики, париться!» И ещё вспомнил он маленькие мосточки на Мере, и как они с папой стояли на этих мосточках на закате и ловили рыбу на ручейника, и как он, Ивушкин, ещё совсем недавно поймал серебристую рыбку, которая смешно называется «уклейка». Ну зачем, зачем, зачем надо было писать эту шипучую, змейскую диссертацию?

А Луша вспомнила своё уютное стойло во дворе, и как Иван Филиппович, бывало, чистил её щеткой, и было приятно и щекотно, и казалось, что хозяин её любит и что хорошей и доброй жизни не будет конца.

– Ивушкин, – сказала Луша печальным голосом. – Ты послушай меня. Ты только духом не падай.

– За каким лешим тебе всё это говоришь! – завопил Ивушкин в полном отчаянии.

И вдруг трава рядом зашелестела, из неё со вздохом послышались слова:

– Ох, нет, нет, не надо браниться, пожалуйста!

И из травы показалась мордочка. Чья бы, вы думали? Мордочка старого доброго енота.

– Как ты тут оказался, Нотя? – воскликнул Ивушкин.

– Дружеские чувства, что поделаешь, – вздохнул енот. – Мне здесь не приходилось бывать. Я с большим трудом вас отыскал. Никто не мог мне толком сказать, куда вы пошли. Я бы и не нашёл, если бы не Вихроний.

Он мне всё рассказал. Вы хорошие ребята, – добавил он, помолчав. – Светлина так счастлива!

– Недотёпы мы, вот кто, – сказала Луша. – Воду-то нам зачерпнуть нечем. Взять нам её не во что.

– Я за этим сюда и пришёл, – заметил енот и протянул им маленькое, весело расписанное ведёрочко на шёлковом шнурке.

Первого сентября будильник с батареей внутри показывал восемь, когда папа, мама и мальчик с букетом вышли из дверей своей новой квартиры. Замок захлопнулся с весёлым звоном, и они быстро сбежали по лестнице с третьего этажа.

Много ребят с букетами и без букетов шли и бежали по широкому проспекту прямо к школе. Но папа, мама и мальчик с букетом свернули в переулок и быстрыми шагами дошли до ворот с вывеской «Садово-парковое хозяйство». В это время ворота как раз открывались и из них выезжала – нет, вовсе и не машина, что естественно было бы ожидать в городе. Из них выезжала запряжённая в телегу серая со светлыми пятнышками лошадь. На телегу были нагружены какие-то молодые кустики.

– Я иду в школу, Луш! – крикнул мальчик лошади.

Лошадь кивнула.

– Счастливо, Ивушкин! – сказала она мальчику. – Счастливо!

Оглавление

Луша	3
Вихроний	12
«Нигде и никогда»	21
Осторожно: слова!	30
Чужая беда	37
Развигор	47
Бездонный овраг и поющий лес	55
Люсик	63
Макосейка	74
Вода из загорного колодца	82
Сестра Летница	89
Потому что дальше было так	97